

272
28
891-2
9663

ПЛАВАНІЕ

по

БѢЛОМУ МОРЮ

и

СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Сочиненіе

Я. Озерецковскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Гречл.

=
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:
съ пѣмъ, чшобы по напечатаніи предспа-
влены были въ Ценсурный Комитетъ при
экземпляра.

С. Петербургъ, 15-го Ноября 1835.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

Ф-50207-41

ПЛАВАНІЕ
по
БѢЛОМУ МОРЮ
и
СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Въ Іюнь, 15-го числа, 1835 года, въ 3 часа по полудни, поплыль я изъ Архангельска на одномъ изъ тѣхъ судовъ, которыя называются тамъ мореходными лодьями. Оно было трехъ-мачтовое, въ родъ галіота; по палубѣ въ длину имѣло 10 сажень, поднимало до 10 тысячъ пудовъ груза и принадлежало крестьянину Кемьскаго уѣзда. Подобныя лодьи ходять по Бѣлому морю на Мурманскій берегъ, до Новой Земли и Нор-

веги, на ловлю трески, сельди, палтусины, тюленей, бѣлугъ и проч.; а въ прошедшемъ году изъ Архангельска, крестьянинъ Пашинъ, какъ новый Васкоде-Гама, дерзнулъ на лодьъ своей обогнуть берега Норвеги по Сѣверному Океану и явился, съ трескою, въ Петербургъ (*). — Крестьяне сами строятъ лодьи, вооружаютъ ихъ кое-какъ, и, благословясь, ходятъ на нихъ, съ мая до сентября, на рыбные промыслы, чтобы потомъ въ Архангельскѣ запастись на зиму хлѣбомъ.

Мало населены берега Бѣлаго моря, близкаго къ сѣверному полюсу, гдѣ льто является, такъ сказать, на минуту, напомнить природѣ о жизни, извлечь ее изъ долгаго оцѣпенѣнiя. Бѣдный житель Корельскаго и Терскаго береговъ напрасно искалъ бы пищи на бесплодной и каменистой землѣ

(*) Попытка Пашина была увѣнчана успѣхомъ и онъ благополучно ворочился домой.

своей родины: онъ ждетъ, въ продолженіе долгой ночи, четырехъ-мѣсячнаго дня, чтобы съ бѣльшею увѣренностью отдаться волнамъ для пріобрѣтенія скуднаго продовольствія.

Не смотря однако жъ на необходимость, наука мореплаванія тамъ еще въ юношество, хотя уже давно крестьяне поняли употребленіе компаса, безъ котораго не пускаются въ море.

Какъ не ограничены и не опасны средства къ продовольствію береговыхъ жителей, но имъ еще могутъ завидовать Корелы, отдаленные отъ береговъ Кандакской губы, которые часто питаются сосною корою, бѣлымъ мхомъ, или толченой соломой, смѣшанной съ малымъ количествомъ муки.

Отъ Архангельска до Соловецкаго монастыря, по Меркаторской картѣ Бѣлаго моря, составленной въ 1827 — 1833 годахъ подъ надзоромъ Капитанъ - Лейтенанта Рейнике, — 300 верстъ. При хорошемъ попутномъ вѣтрѣ

проходить это расстояние въ одни сутки; но бываютъ случаи, что капризное море водить плователя цѣлый мѣсяцъ и болѣе, и заставляетъ его заходить въ Унскую губу, куда занесенъ былъ бурю Петръ Великій, плывя на яхтѣ въ Соловецкій монастырь изъ Архангельска въ 1694 году. — Счастливое плаваніе, съ вѣтромъ совершенно попутнымъ, ведетъ суда ввиду лѣтнаго берега до самаго острова. Но это случается рѣдко: обыкновенно вѣтеръ относитъ суда далеко отъ береговъ, въ чистое море, по выраженію тамошнихъ мужичковъ-моряковъ — въ *гольмя*.

Не правда-ли это гораздо интереснѣе? Что за удовольствіе плыть по морю и видѣть берегъ! Надобно въ морѣ испытать всѣ морскія прелести: бурю, несносный штиль, тошноту отъ качки и прочее. Надобно струсить нѣсколько разъ и потомъ уже мечтать объ очарованіяхъ морскаго путешествія

у себя въ кабинетъ , на кушеткѣ , съ романомъ Купера въ рукахъ.

Я почти испыталъ всѣ эти удовольствія , потому что къ вечеру , вдали , на сѣверѣ , небо подернулось черными тучами , море зашумѣло , разыгралось и загрохоталъ отдаленный перекатъ грома : мы были въ полномъ распоряженіи *объденника*. Можетъ быть , значеніе этаго слова вамъ не знакомо : это юго-восточный вѣтеръ . Береговые жители даютъ вѣтрамъ названія по своему : *востокъ* , *западъ сѣверъ* , *лѣто* ; потомъ , юго-востокъ называютъ они *объденникомъ* , юго-западъ — *шалонникомъ* , сѣверо-западъ — *побережникомъ* , сѣверо-востокъ — *полунощникомъ*. — И такъ мы плыли *объденникомъ* , который уносилъ насъ нехотя въ *гѣльмья* , и , не спросясь моего согласія , подвигалъ подъ черныя тучи сѣвера ! Положеніе не совсѣмъ пріятное , и я вѣрно не былъ бы такъ спокоенъ , если бы со мною не раздѣляло надеждъ и мо-

лений множество деревенскихъ женщинъ и дѣтей, бѣльшую частію родственниковъ Капитана нашего корабля, Корельскаго крестьянина, которыхъ онъ везъ домой изъ Архангельска. «На людяхъ смерть красна» говоритъ пословица.

Впрочемъ, не смотря на эту Русскую истину, не совсемъ съ веселымъ духомъ закрылъ я свою записную книжку, поручилъ себя власти провидѣнія, и, перекрестясь, бросился на койку. — Море, какъ заботливая нянюшка, укачало меня, и я заснулъ крѣпко подъ поэтической шумъ ожидаемой бури.

Было 6 часовъ утра, когда я проснулся. Какое волшебное пробужденіе! Возль изголовья моей койки, въ открытое окно каюты, увидѣлъ я на пѣнистыхъ волнахъ блестящіе, золотые лучи солнца. Шумъ волнъ, дробящихся о твердыя край лодьи, ихъ бѣлыя брызги, свѣжій вѣтеръ, ясное небо, — все показалось мнѣ новымъ,

чудеснымъ! Я всталъ какъ очарованный! Но это чувство продолжалось не долго: меня зашатало сильнымъ волненіемъ, голова пошла кругомъ, томительное, несносное чувство сдавило грудь, и я едва не упалъ въ обморокъ. Меня почти безъ чувствъ вынесли на палубу, къ бизань-мачтѣ, гдѣ качка гораздо сноснѣе, и валы, по тамошнему *зводни*, не столько ощутительны. Не совѣтую пускаться въ море, если вы подвержены этой несносной болѣзни. Она неизъяснимо-отвратительна; это ощущеніе хуже пытки: вы видите передъ собою причину ужаснаго томленія, усиливаетесь какъ будто остановить корабль, найти равновѣсіе, какую нибудь незыблемую точку; готовы просить, чтобы васъ отпустили на твердую землю, — нельзя ни какъ! Васъ качаетъ, колеблетъ, душитъ, мутитъ, и вы обязаны терпѣть и привыкать къ этому удовольствію! — По счастью я скоро освѣжился на открытомъ воздухѣ. Мы плыли, 16 Іюня,

изъ каюты, съ жадностью окинулъ глазами море, и увидѣлъ передъ собою чернѣющійся, къ сѣверу возвышенный край земли:—это былъ островъ Жижгинской (*). Надобно проходить между островомъ и лѣтнимъ берегомъ, который также видѣнъ ясно по лѣвой сторонѣ. Необыкновенно красивы показались мнѣ берега твердой земли, и я долго смотрѣлъ на небольшую деревянную башенку, поставленную на сѣверной оконечности Жижгинскаго острова, и, безъ огня, скромно замѣняющую здѣсь маякъ. Но мужички говорятъ: «и за то спасибо: какъ нападетъ *марь*, башня то видна, а это мѣсто больно *костливо*, того и гляди нанесетъ на *коргу*, да и *опружитъ*.» Вотъ новый языкъ! Надобно развернуть Бѣломорскій словарь, и тогда вы узнаете, что туманъ

(*) Такъ названъ островъ на картѣ К. Л. Рейнике, но береговые жители называютъ его «Жогжинскимъ.»

называютъ здѣсь *марь* или *марева*, каменистыя мѣста *костливыми*, подводныя банки или мѣли — *коргами*, на которыхъ нерѣдко *опруживаетъ*, — опрокидываетъ несчастныхъ, или неопытныхъ промышленниковъ.

Насмотрѣвшись на землю, я сладко заснулъ на палубѣ, думая скоро доплыть до своей цѣли; но каково было мое удивленіе и досада, когда, проснувшись часа черезъ два, увидѣлъ я, что флюгеръ на гротъ-мачтѣ гуляетъ въ разныя стороны; лодья, безъ парусовъ, преспокойно покачивается на якорѣ; весь экипажъ мужчинъ и женщинъ храпитъ мертвымъ сномъ; безъ кормчаго гуляетъ руль, и около него сидятъ съ пол-дюжины ребятишекъ, мурныча какую-то пѣсенку! Едва повѣрилъ я глазамъ, что мы стояли почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ я уснулъ, между лѣтнимъ берегомъ и Жижгинскимъ островомъ, и въ досадѣ не очень вѣжливо возвратилъ къ бдѣнію Капи-

тана лодьи, едва ли не приписывая его лѣни совершенное безвѣтріе. По справкѣ оказалось, что онъ ни мало въ этомъ не былъ виновать: насъ остановилъ штиль и морской отливъ, который обыкновенно бываетъ въ продолженіи 24 часовъ и 47 минутъ два раза, равно какъ и приливъ; слѣдовательно море, по неизмѣннымъ законамъ, чрезъ каждые 6 часовъ и нѣсколько минутъ перемѣняетъ направленіе волнъ къ берегамъ и отъ береговъ.

Знаете ли, почтенный читатель, что такое скука? — Можетъ быть вы думаете что я намѣкаю на свой журналъ? Согласенъ, — хотя совсемъ не о томъ думалъ въ эту минуту. Скука, — это морское чудовище, и, если вамъ скученъ рассказъ о морскомъ путешествіи, то легко можете вообразить, каково было мнѣ бороться съ этимъ чудовищемъ! Но, къ несчастію, оно амфибія: вы найдете скуку и въ сухопутныхъ статьяхъ, а потому я просилъ бы

васъ, хотъ для перемѣны, остаться со мною на моръ, вытерпѣть качку и штиль, а между тѣмъ я раскажу что нибудь, въ ожиданіи попутнаго вѣтра.

«Живетъ ли кто нибудь на этомъ островѣ?» спросилъ я одного изъ крестьянъ.

«А кому тутъ жить, Ваше Благородіе, отвѣчалъ онъ, островъ голый, одни камни, лѣсу мало. Вотъ уже, коли Богъ благословитъ отплыть немного, увидимъ тамъ Анзерскій островъ, а за нимъ и Соловецкій. Отсюда считаютъ верстъ 40 до Анзерскаго.»

Мужичокъ замолчалъ, посмотрѣлъ задумчиво на Жижгинской островъ, и, какъ будто вспомнивъ что-то таинственное, продолжалъ въ пол-голоса: «Кому тутъ жить! Сказываютъ былъ на этомъ островѣ жилецъ, а тамъ, на берегу Анзерскаго другой... — пріятели!...»

«Про кого толкуешь ты? спросилъ я, что это за жильцы?»

«А кто ихъ знаетъ, отвѣчалъ раскащикъ, стало быть какіе нибудь.... «у нихъ у двоихъ былъ одинъ топоръ....»

И робкій мужичокъ замолчалъ, нежелая продолжать разговора о нечистой силѣ, а можетъ быть исторія этихъ морскихъ духовъ уже тонетъ въ неясныхъ преданіяхъ давнихъ временъ. Какъ бы то ни было, но мужичокъ отошелъ отъ меня, оставя мнѣ полную свободу варьировать заданную тему объ одномъ топорѣ къ услугамъ двухъ дровосѣковъ.

Между тѣмъ, вокругъ лодьи, изъ гладкой поверхности моря, въ разныхъ мѣстахъ высовывали головы тюлени, съ любопытствомъ заглядывая на корабль, и быстро погружались въ тихую глубь. Ихъ называютъ на Бѣломъ морѣ: *нерпъ*, ловятъ чрезвычайно много, топятъ ихъ сало и выдѣлываютъ кожи.

Въ тихую погоду, особенно вокругъ острововъ, жители Нептунова царства становятся гораздо смѣлѣе и

игривѣ. Мнѣ удалось однажды, плывя черезъ проливъ между Соловецкимъ и Анзерскимъ островами, видѣть вблизи множество тюленей и бѣлугъ. Огромный млечно-бѣлый дельфинъ (*Delphinus leucas*), по тамошнему бѣлуга, сперва высовываетъ изъ воды черную свою морду, похожую на коровью, дышетъ съ шумомъ изъ отверстія, находящагося у него на затылкѣ, и вдругъ опрокидывается мордою въ воду, обнажая полукругомъ, на поверхности воды, огромное туловище, гладкое безшерстное и бѣлое какъ снѣгъ. Дельфинъ съ небольшими двумя лапками въ началѣ туловища и хвостомъ похожимъ на рыбей, имѣетъ до 18 футовъ въ длину и почти весь состоитъ изъ сала, котораго добываютъ изъ одного до 10 пудовъ. Мяса въ немъ мало: оно черно и никуда не годится. Вслѣдъ за самками кувыркаются изъ воды ихъ дѣти, которыя обыкновенно бываютъ темносѣрыя, или почти черныя.

Бѣлое море изобилуетъ, между прочимъ, прекрасной сельдью, не уступающею ни въ чемъ Голландской. Она крупна, жирна и бѣла: недостаетъ только промышленникамъ искусства солить ее. Ловля сельди представляетъ красивое и веселое зрѣлище. До пяти и шести сотъ человѣкъ, вооруженныхъ длинными шестами, выѣзжаютъ на лодку на небольшихъ лодкахъ называемыхъ *карбасами*: разсыпаются по морю, для отысканія сельдянаго юра, или стада, и наѣзжаютъ на такое множество столпившейся сельди, что безъ труда ощупываютъ ее шестами почти на поверхности воды. Тогда флотилія спѣшитъ окружить рыбій юръ, закидываетъ невода и вытаскиваетъ иногда, въ одну тоню, болѣе 50 пудовъ сельди.

»Хозяинъ!»

— «Чего изволите, Ваше Благородіе?»

«Да скоро ли поплывемъ мы далѣе?»

«Не вѣкъ же стоять на одномъ мѣстѣ!»

— «Что же прикажите, Ваше Благородіе, изволите видѣть какая *благодать*, ни откуда не заиграетъ! Даромъ стоять не будемъ, и вотъ ужю, какъ вода пойдетъ на прибыль, зводни будутъ намъ по пути, тогда, пожалуй, попробуемъ сняться съ якоря, а теперь снесетъ назадъ.» —

Признаюсь, несносное удовольствіе плавать по морю и зависѣть отъ вѣтровъ! Ужъ если подвергать себя этой необходимости, или, правилу, такъ лучше на твердой землѣ: ступай, куда вѣтеръ подуетъ — и славно!

Сказать, кстати или не кстати, такъ летаютъ гаги, — родъ большихъ утокъ, съ которыхъ добывается драгоценный гагачій пухъ. Плователи замѣчаютъ полетъ гаги: откуда она летитъ, туда скоро повѣетъ вѣтеръ, — примѣчаніе довольно странное, но сколько могъ я замѣтить столько же и справедливое.

Съ радостію повѣрилъ бы я полету добровѣщей гаги, потому что морской штиль — оселокъ самаго ангельскаго терпѣнія, особенно когда мечты, безъ остановокъ, на всѣхъ парусахъ воображенія, летятъ фордевиндомъ впередъ, и прежде васъ возвращаются къ тому, что мило и драгоцѣнно для вашего сердца на твердой землѣ!... Я былъ въ отчаяніи отъ нетерпѣнія, ходилъ взадъ и впередъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ состояніи духа; но меня покачнуло гладкой волною, и я присѣлъ на палубу каюты. Въ эту минуту ребятишки, сидѣвшія у руля, запѣли громче, — я вспомнилъ кресло съ музыкой, на которое бросается съ отчаянія Мъщанинъ во дворянствѣ!

Напѣвъ пѣсенки очень милъ. Она сложена на Бѣломъ морѣ, и вѣрно по-направилась бы вамъ, или, по крайней мѣрѣ, вы невольно запѣли бы вмѣстѣ съ ребятишками, потому что..... какъ жаль, что я не знаю съ чѣмъ бы сравнить

скуку ожиданія вѣтра! Позвольте... (sauf le respect que je vous dois) почтенный читатель, случилось ли вамъ когда нибудь часа два съ половиною ждать въ передней, или, виновать, въ приемной у какого нибудь вельможи? — Неслучалось? Такъ испытайте, это очень любопытно и стоитъ морскаго штиля. Какой пѣсни не запѣли бы вы сквозь слезы нетерпѣливой зѣвоты? и потому я разъ двадцать пропѣлъ съ мальчишками ихъ Корельской куплетъ:

Дай Богъ вѣтерка,
Наша лодка не ходка,
Съ носу, съ подносу,
Съ кормы завѣсперье,
Кормщику въ спину,
Гребца за набой,
Середыша подкрень
И ногами вверхъ! (*)

Какое заманчивое и радостное чувство видѣть какъ издали бѣжить попутный вѣтеръ, по гладкой, свѣтящей-

(*) Набой — борщъ, середыша подкрень — наклоннаго, кпо въ шрюмъ или въ каюшъ.

ся равнинѣ моря! Далеко, далеко зарябѣть темная полоса на зеркальной влагѣ и медленно подходит все ближе и ближе. . . . Флюгеръ оживаетъ, весело развѣвая указательный флагъ свой, — вътеръ подходит и гладкая поверхность моря дробится въ мелкую зыбь. — Съ какимъ усердіемъ вытянуть тяжелый якорь изъ глубокой пучины! Какъ хлопотливо и весело развились паруса! Вътеръ обгоняетъ васъ, море чернѣетъ кругомъ, бѣгъ корабля постепенно усиливается, — и вотъ онъ летитъ снова быстро и гордо.

Такъ было съ нами. Простоявъ часа три на якорѣ, наша лодья полетѣла отъ Жижгинскаго острова. Вътеръ сталъ сильно свѣжѣть, волны запынились бѣлыми гребнями и разбиваясь кипучимъ порогомъ о носовую часть лодьи, съ ревомъ дробились въ мелкія, летучія брызги, — я ожилъ! Веселый народъ мальчишекъ, хлопая въ ладоши, запѣлъ другую Корельскую пѣсенку:

Повхали, погребли,
Въ Шижню, въ Сороку,
Въ Сухой наволокъ,
Въ Суму на городокъ!

И скоро исчезъ изъ виду Жижгинской островъ, вмѣстѣ съ лѣтнимъ берегомъ. Потомъ, часа черезъ два плаванія, вдали показался Анзерской островъ, одинъ изъ товарищей Соловецкаго архипелага; и наконецъ, ровно въ двое сутокъ и шесть часовъ отъ города Архангельска приплылъ я къ пристани монастыря Соловецкаго.

Въ 9 часовъ вечера, 17-го Юня, моя Корельская лодья стала на якорь въ бушующемъ морѣ, въ заливѣ, или гавани, передъ стѣнами святой обители. Съ палубы спустили на воду карбась: я поплылъ къ пристани.

Ни съ чемъ нельзя сравнить чувства благополучнаго совершенія плаванія! Лодья показалась мнѣ необыкновенно красивою; она, съ какимъ-то самодовольнымъ видомъ, гордо стояла

на рейдъ , прекрасно развѣвая трех-
цвѣтный флагъ , поднятый на прощаньи
со мною добрымъ хозяиномъ . Я издали
протился съ лодьею , пожелалъ ей
счастливаго плаванія по Бѣлому морю,
и скоро причалилъ къ пристани , куда
почти вмѣстѣ со мною пристала нагру-
женная множествомъ богомольцевъ боль-
шая лодка , которая на веслахъ шла
прямо изъ города Онеги .

М О Н А С Т Ы Р Ь.

Поднималась буря, когда я вышелъ на берегъ съ карбаса. Небо было мрачно, — вѣтеръ бушевалъ вокругъ пустыннаго острова. Два инока встрѣтили меня на самой пристани и гостепріимно заботились о моемъ помѣщеніи.

Издали, съ моря, видъ Соловецкаго монастыря не представляетъ ничего особеннаго; онъ лежитъ на берегу острова, который вообще мало возвышенъ, пологъ и однообразенъ. Къ тому же, послѣ великолѣпнаго зрѣлища моря, въ необозримомъ пространствѣ котораго исчезаетъ всякая идея сравнительнаго величія, трудно ожидать другихъ, сильнѣйшихъ впечатлѣній, при видѣ ничтожной персти земли, брошенной по-

среди бурнаго океана, и на ней бѣлѣющихся стѣнъ, воздвигнутыхъ трудами человѣка и едва примѣтныхъ въ великолѣпномъ обзорѣ, разкинутомъ творческою рукою природы! — Но, развы стали на берегъ, приблизились къ древнимъ крѣпостнымъ стѣнамъ, окружающимъ монастырскія зданія, — и впечатлѣніе мгновенно измѣняется. Мрачность этой твердыни, сложенной изъ огромнаго булыжника и пережившей болѣе двухъ съ половиною столѣтій, пугаетъ васъ чѣмъ-то таинственнымъ и грознымъ (*). Сквозь узкіе просвѣты, или амбразуры, со стѣнъ высовываются длинныя чугунныя пушки, по угламъ круглыя бойницы, по обѣимъ сторонамъ святыхъ воротъ, на неподвижныхъ лафетахъ, стоятъ рядомъ такія же древ-

(*) Монастырь обнесенъ каменными стѣнами по Указу Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича въ 1584 году, для защиты отъ нападенія Нѣмецкихъ и всякихъ воинскихъ людей.

(Лѣтописецъ Соловецкій).

нія орудія, покрытыя ржавчиною, какъ и на стѣнахъ. — Войдя подъ темный сводъ святыхъ воротъ, задвинутый сверху почти до половины желѣзною рѣшеткою, я невольно остановился: — шумъ и свистъ вѣтра, смѣшанный съ густымъ гуломъ монастырскаго колокола, мрачность кругомъ и слишкомъ разительное появленіе угрюмой новизны, все поражаетъ душу какимъ-то необыкновеннымъ, безотчетнымъ чувствомъ.

На возвышенныхъ перекладинахъ, внутри святыхъ воротъ, стоятъ двѣ модели (если вѣрить надписямъ) тѣхъ кораблей, на которыхъ пріѣзжалъ сюда Петръ Великій. Какъ будто очарованный простоялъ я минуту подъ низкимъ и мрачнымъ сводомъ, и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вдругъ переброшенъ былъ изъ одного очарованія въ другое: — я очутился въ царствѣ птицъ! Это явленіе было такъ неожиданно и странно, что я протиралъ се-

бъ глаза, чтобы удостовѣриться не обманывается ли меня воображеніе, не бредъ ли это сна, или я перенесенъ въ волшебную страну, гдѣ толпы людей превращены въ стаи птицъ! — Я стоялъ на обширномъ монастырскомъ дворѣ; передо мною возвышались богатая церкви съ колокольнями; вокругъ—каменные трехъ-этажныя зданія. Дворъ весь заглохъ травою, по которой въ разныя направленія протоптаны узкія песчаныя тропинки, и — по всему пространству двора ходили тысячи дикихъ чаекъ! Однѣ сидѣли на яицахъ, кормили сѣрыхъ, едва оперившихся птенцовъ своихъ; другія кружились въ воздухѣ, и всѣ оглашали дворъ пронзительными, отвратительными криками! Это стонъ и плачь младенцевъ, кудаханье куръ, карканье воронъ, бляеніе овецъ, кваканье, мычанье, визгъ, крикъ и гвалтъ! Не вдругъ могъ я понять, что со мною дѣлается, потому что послѣ перваго неосторожнаго шага за мной пустились

бѣгомъ нѣсколько чаекъ, распуская крылья, и съ крикомъ разбѣвая отвратительные носы. Безъ проводника постоялъ бы я долго на мѣсть, не смѣя шалохнуться; но по счастью входъ въ келью къ отцу Архимандриту, былъ въ нѣсколькихъ шагахъ и я съ удовольствіемъ ушелъ отъ преслѣдованій чаекъ. Эти дикія птицы, съ незапамятныхъ временъ, совершенно овладѣли монастырскимъ дворомъ, распоряжаются имъ какъ неотъемлемымъ своимъ владѣніемъ и вовсе забыли птичью скромность. Они прилетаютъ сюда съ весны на лѣто, преспокойно высиживаютъ дѣтей, и потомъ, на зиму, улетаютъ подъ теплое небо. Тогда замѣняютъ ихъ тучи воронъ, которыя въ свою очередь владѣютъ дворомъ всю зиму, пока не прилетятъ снова чайки и не выгонятъ ихъ въ лѣса. — Монашествующіе, наблюдая за этими странными лѣтними постояльцами — чайками, замѣтили удивительныя распоря-

женія и условія, на которыхъ каждая изъ нихъ владѣеть частицей двора во все лѣто. Весною, являсь на Соловецкій островъ, чайки расходятся на стаи, и размѣжевавъ дворъ на большія части, начинаютъ дѣлать на мѣлкіе клочки, для каждаго семейства. Двѣ чайки берутъ въ клювы по небольшой щепкѣ, становятся одна передъ другою и бросаютъ щепки прямо передъ собой! Третья чайка, въ качествѣ свидѣтеля, стоитъ въ сторонѣ. Потомъ двѣ дѣлящіяся стороны начинаютъ, не сходя съ мѣста, кричать и бормотать по своему къ брошеннымъ щепкамъ, и, вдругъ замолчавъ, сбѣгаются другъ съ другомъ, схватываются носами и тянутся въ разныя стороны. Этимъ окончиваются условія и съ тѣхъ поръ каждая знаетъ границу своего участка. Иной достается квадратный аршинъ, другой продолговатое мѣстечко по болѣе, или неправильный уголокъ на разпутіи протоптанныхъ тропинокъ. — Границы из-

вѣстны только чайкамъ, и уже каждое семейство, подь смертною казнію, не осмѣливается во все лѣто ступить на землю сосѣда. Если же глупый цыпленокъ по невѣдѣнію, или ошибкой, перешагнетъ за условленную черту, то безъ милосердія бываетъ заклеванъ до смерти. Такія жертвы видны во многихъ мѣстахъ двора; но за то едва подрастетъ чайка, уже никакимъ способомъ нельзя выгнать ее изъ границъ семейственнаго владѣнія: она кружится объгаетъ вокругъ вашихъ ногъ и спѣшитъ къ центру своей земли, зная неизбежную гибель за рубежомъ своего аршиннаго поля!

Деревянныя гостинницы для прїѣзжающихъ богомольцевъ стоятъ внѣ монастырскихъ стѣнъ, на берегу, передъ гаванью. Подлѣ нихъ есть домъ, гдѣ останавливался Петръ Великій и рядомъ съ нимъ часовня, въ которой воздвигнутъ большой деревянный крестъ, въ память посѣщенія острова Великимъ

Государемъ. — Я видѣлъ часовню послѣ; но прежде отецъ Архимандритъ принялъ на себя трудъ проводить меня, посреди безстрашнаго птичьяго народа, въ особую пріемную комнату, въ каменныхъ строеніяхъ, внутри монастырскихъ стѣнъ. Окна моей комнаты обращены были на дворъ. Я остался одинъ въ 11 часовъ ночи. Какое обширное поле для мечтаній, и какъ кстати уединеніе, когда такъ много предметовъ, какъ рядъ картинъ въ волшебномъ фонарѣ, перешло передъ глазами. Я бросился въ кресло, — и — замечтался!....

И такъ, думалъ я, вотъ въковой памятникъ, воздвигнутый благочестивымъ вдохновеніемъ святыхъ отшельниковъ: Зосимы, Савватія и Германа. Уже давно кануль въ вѣчность 1429 годъ, ознаменованный водруженіемъ перваго креста на пустынномъ островѣ бѣлаго моря. Какое множество дѣлъ и трудовъ человѣческихъ погибло въ безднѣ этой далекой рѣки времени! Сколько исчезло

гордыхъ памятниковъ суеты и высоко-
мѣрія! Но, среди разрушительной власти
вѣковъ , провидѣніе хранитъ обитель ,
возрожденную святою мыслию отчужде-
нія отъ суетности свѣта; надъ храмомъ
благочестія и вѣры пролѣтаютъ столѣ-
тія , и, вмѣсто общаго удѣла , пекутся
о его благолѣпіи и богатствѣ. Убогія
кельи прежнихъ иноковъ превратились
въ богатые каменные зданія , неболь-
шія деревянные церкви — въ велико-
лѣпные храмы , съ блестящими позла-
щенными главами.

Но гдѣ , въ какомъ забытомъ краю
земли безмятежно прошли вѣка , не
оставляя посреди изящнаго воспомина-
ній плачевныхъ и грозныхъ?... Здѣсь,
въ стѣнахъ Соловецкаго монастыря ,
началъ поприще жизни, исполненной
славы и страданій , Бояринъ Федоръ
Колычевъ. Отреченіемъ отъ міра , въ
тихой обители , думалъ онъ снискать
небесное царство; но Богу угодно бы-
ло возвать его къ себѣ въ вѣнцѣ му-

ченика. Наимянованный въ монашествѣ Филиппомъ, онъ посвященъ былъ въ игумены Соловецкаго монастыря, въ 1548 году; потомъ, обогативъ обитель щедрыми дарами Царя Иоанна Васильевича, возведенъ былъ на престолъ Всероссийской Митрополіи. Святой мужъ, сподвижникъ вѣры, Филиппъ не убоился противустать силъ Царскихъ опричниковъ и палъ подъ страшную опалою Грознаго.... Праведникъ, постыдно сверженный съ Митрополичьяго престола въ Москвѣ, ввергнутъ въ темницу, въ Тверской отрочь — монастырь, и тамъ задушенъ опричникомъ Малютою Скуратовымъ!...

Сквозь туманъ двухъ вѣковъ, мелькаетъ страшное девятилѣтіе: — въ стѣнахъ монастыря театр мятежа и убійствъ. Заблужденіе, отемнившее разумъ многихъ тысячъ людей, возстало противъ трудовъ Святейшаго Патріарха Никона, и пламя раскола (съ 1656 г.) объяло Соловецкую оби-

тель. Оно потушено только кровью ожесточенныхъ иноковъ, павшихъ на стѣнахъ монастырскихъ, въ бою противъ войскъ Царя Алексѣя Михайловича (въ 1676 году).

Вслѣдъ за мрачными событіями, являются двѣ свѣтлыя эпохи веселія и радости озарившія пустынный островъ: два года, 1694 и 1702, ознаменованы посѣщеніями Соловецкой обители Петромъ Великимъ.

Уже давно лучи солнца загорѣлись на золотыхъ крестахъ монастырскихъ церквей. Буря стихла, начался ясный день, — я все еще сидѣлъ у окна, погруженный въ думы о минувшемъ, и, казалось, передо мною носились въ воздухъ, среди монастырскихъ стѣнъ, чудныя видѣнія древнихъ событій, встревоженные изъ вѣковаго сна моими бродящими мечтами!....

Не принимая на себя подробнаго описанія Соловецкаго острова и монастыря, я передаю здѣсь только взглядъ

на тѣ предметы , которые безъ сомнѣнія обратятъ вниманіе каждаго посѣтителя.

Чтобы скорѣе осмотрѣть все въ монастырѣ , вы прежде всего пойдете поклониться святымъ мощамъ Преподобныхъ Зосимы и Савватія , почивающимъ въ Соборѣ Преображенія Господня , въ богатыхъ серебрянныхъ , вызолоченныхъ ракахъ. Мощи Св. Германа и Иринарха покоятся подъ спудомъ , въ другой церкви. — Вѣрующіе - православные , прося у святыхъ угодниковъ исцѣленія недуговъ , дѣлаютъ изъ серебра изображенія болящихъ частей тѣла и навѣшиваютъ ихъ на образъ , поставленный между двумя раками.

Соловецкій монастырь первокласный Ставропигіальный. Онъ не подчиненъ епархіи и Архимандритъ его относится прямо въ Святѣйшій Синодъ. Теперь въ немъ 135 монашествующихъ , считая іеромонаховъ , іеродіаконовъ , монаховъ

монатейныхъ и штатныхъ послушниковъ; 50 человекъ инвалидной команды для содержанія караула при арестантахъ; до 120 вольнонаемныхъ работниковъ, и около 160 человекъ, разнаго званія, временныхъ богомольцевъ. Вообще, число жителей на островъ нѣсколько болѣе 500 человекъ мужескаго пола; женщинъ вовсе нѣтъ.

Островъ имѣетъ въ длину до 25, а въ поперечникъ до 15 верстъ

Ризница въ монастырѣ конечно одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи, какъ цѣнностью множества богатыхъ ризъ, шитыхъ каменьями и жемчугомъ, такъ и достопамятными рѣдкостями. Въ ней хранятся богатая Евангелія, кресты, золотыя и серебряныя чаши, дарованныя монастырю Великими Князьями и Царями Россійскими, и нѣсколько грамматъ, изъ которыхъ двѣ даны Марѳою Борецкою, Посадницею Великаго Новгорода.

Посреди всѣхъ драгоценностей, вы

найдете простой, вынощенный, темно-зеленаго сукна, съ черными снурками, кафтанъ злополучнаго Святителя Филиппа. Вамъ покажутъ также въ коридоръ небольшой уголокъ, гдѣ была его келья; теперь тамъ устроена часовня. — Я коснулся съ благоговѣніемъ одежды Святаго мужа, и какое-то высокое и вмѣстѣ усладительное чувство проникло въ душу: можетъ быть это была мысль о ничтожествѣ земнаго счастья!...

Но вотъ чѣмъ еще безцѣнна ризница Соловецкаго монастыря: едва ли есть иные памятники священнѣе и ближе сердцу Русскаго. Тамъ хранятся: сабля Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго и мечъ Князя Михаила Васильевича Скопина - Шуйскаго. — Что можетъ быть прекраснѣе и возвышеннѣе воспоминаній, которыя воскресятъ въ васъ эти двѣ полосы желѣза! На нихъ, кажется, сквозь двухъ вѣковую ржавчину горятъ лу-

чи пламеннаго патріотизма! Мечъ юнаго Скопина и сабля Пожарскаго, блѣснувшая въ рукѣ роднаго героя, навсегда священны для Русскаго! Кто въ храмъ славы можетъ стать на ряду съ Пожарскимъ, и чье оружіе сравнится съ его саблей, извлеченной изъ ноженъ не алчною рукою завоевателя, не жаждою славы, но святою мыслию спасенія отчизны!

Въ оружейной палатѣ лежитъ грудами старинное оружіе: сѣкиры, бердыши, кистени, пистолеты, ружья и прочее. Безъ сомнѣнія болѣе отъ небреженія и времени, нежели отъ употребленія, оно пришло почти въ совершенную негодность, и конечно весь этотъ любопытный арсеналь былъ бы растасканъ, или содѣлался бы достояніемъ ржавчины, еслибъ не спасло его благоразуміе Архимандрита. Онъ намѣренъ по возможности привести его въ порядокъ. Это оружіе запасено было монастыремъ для обороны отъ Шве-

довъ, когда они покушались овладѣть островомъ, и потомъ оно же служило монашествующимъ въ преступной оборонѣ противъ войскъ Царя Алексѣя Михайловича.

По приглашенію Архимандрита, былъ я за братской трапезой. Изобиліе доказываетъ хорошее устройство экономической части. На цѣлый годъ дѣлаются запасы трески и вкусной Бѣломорской сельди. Свѣжая семга составляетъ лакомство. Для варенія квасу устроены огромные котлы и чаны, въ которые входитъ по десяти сороковыхъ бочекъ. Хлѣбопеченіе дѣлается также въ огромномъ количествѣ и вдругъ. По древнему обычаю монастырь довольствуется cadaго богомольца три дни пищею, безденежно, для чего необходимы большіе запасы съѣстнаго, ибо въ лѣтнее время на поклоненіе святымъ мощамъ собирается до двухъ тысячъ человекъ изъ разныхъ странъ Россіи, и безпрестанно смѣняются одни

другими. Но всѣ траты безъ сомнѣнія окупаются приношеніями посѣтителей и дарами неизвѣстныхъ лицъ. Принятое издревле обыкновеніе обогащать дарами монастырь имѣетъ въ себѣ нѣчто таинственное: въ концѣ лѣта монашествующіе объѣзжаютъ небольшіе острова, смежные съ Соловецкимъ, и на нихъ находятъ по нѣсколько штукъ коровъ, овецъ, барановъ и даже лошадей, привезенныхъ неизвѣстными богомольцами въ даръ Святымъ угодникамъ. Въ иные года братія находили такимъ образомъ по 50 штукъ овецъ и болѣе.

Нѣкоторые иноки занимаются вырѣзываніемъ изъ кнгариса крестиковъ, украшаютъ ихъ фольгою, пишутъ образа и мѣняютъ ихъ богомольцамъ.

На Соловецкомъ островѣ водятся многочисленныя стада Лапландскихъ оленей, много лисицъ, но волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей вовсе нѣтъ, равно какъ и никакихъ змѣй и гадовъ. Олени разведены тамъ попечительно-

стію Митрополита Филиппа, въ бытность его игуменомъ монастыря. Ихъ бьютъ ежегодно отъ 50 до 100 штукъ для продажи и монастырскихъ надобностей.

Недавно нашли въ лѣсу двухъ мертвыхъ оленей, спутавшихся огромными вѣтвистыми рогами. По всемъ примѣтамъ видно было, что они дрались, и, сплетясь рогами въ бою, два врага погибли ужасною смертью, — неразлучные! —

При настоящемъ Архимандритѣ Досиѣевѣ, построены монастыремъ два прекрасные брига и лодья. Бриги стоять въ докахъ, на сушѣ, и могутъ быть подняты посредствомъ шлюза на воду, проведенную изъ Святаго Озера, лежащаго за монастыремъ.

Островъ Соловецкій, Анзерскій, Заячьи, Муксальмы и другіе изобилуютъ пресною водою: на нихъ считаютъ до ста небольшихъ озеръ. Къ сѣверу отъ монастыря есть три небольшія

пустыньки: Сосновская, верстахъ въ 15, Савватіева и Исакова въ 12 и 10 верстахъ, и сверхъ того къ сѣверо-востоку на берегу построены для рыбаковъ домики и изба, въ которой топятъ тюленье и бѣлужье сало. Это мѣсто называется Бальдскою пристанью, или Ребальдою. Оттуда переѣзжаютъ на островъ Анзерскій, черезъ проливъ шириною около пяти верстъ. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ островѣ особо. —

АНЗЕРСКІЙ ОСТРОВЪ.

Быль ясный и тихой день, когда перевзжалъ я черезъ проливъ, на небольшой лодкѣ, и здѣсь-то дельфины и тюлени доставили мнѣ удовольствіе полюбоваться ими, а одинъ изъ рыбаковъ подарилъ меня двумя морскими звѣздами (*asterias aurantiaca*, оранжевоцветная морская звѣзда). Это странное морское животное попадаетъ въ невода и обыкновенно называется рыбаками «морскимъ ракомъ.» —

На берегу Анзерскаго острова показали мнѣ множество камней, на которыхъ растеть какая-то удивительная трава. Она прирастаетъ такъ крѣпко къ лежащему въ водѣ камню, что за кисть растѣнія можно поднять камень,

не смотря на его тяжесть. Трава эта имѣетъ длинныя узенькіе листки и вмѣсто цвѣтовъ красуется пустыми, овальными, наполненными воздухомъ пупочками, которые лопаются и щелкаютъ, когда ихъ сожмешь. Богомольцы обыкновенно запасаются этими камешками, приписывая травѣ свойство предохранять и даже избавлять отъ лихорадки. — Находятъ также на берегахъ Соловецкаго острова настоящій авантуринъ. Это, я думаю, новость для минералогіи, и честь этаго открытія принадлежитъ Архимандриту Досиѣю, у котораго видѣлъ я прекрасный наперстный крестъ изъ Соловецкихъ авантуриновъ.

На Анзерскомъ островѣ, преподобный Елеазаръ основалъ скитъ Свято-Троицкій, гдѣ и была построена сперва деревянная церковь въ 1620 году, а потомъ въ 1654, на иждивеніи Царя Алексѣя Михайловича, воздвигнута тамъ первая каменная церковь во имя Святыхъ Троицы, съ придѣломъ Михаила

Малейка и Знаменія Пресвятыя Богородицы. Въ 1621 году, имянною грамотою Царя Михаила Феодоровича, опредѣлено быть въ Анзерскомъ скитѣ 11 монахамъ, а въ 1655 году, при Святѣйшемъ Патріархѣ Никонѣ, Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ умножить число монашествующихъ до 17 чело-вѣкъ (*).

Я поклонился Святымъ мощамъ преподобнаго Елеазара, почивающимъ подъ спудомъ, полюбовался прекрасными кельями иноковъ и отправился по вновь продѣланной дорогѣ къ Анзерско-Распятскому скиту, лежащему верстахъ въ четырехъ отъ Троицкаго.

Основателемъ Распятскаго скита былъ Иеросхимонахъ Иисусъ. Онъ на-

(*) Въ Москвѣ, въ 1833 году, напечатанъ лѣтописецъ Соловецкій, составленный Архимандритомъ Досиѣемъ. Всѣ свѣдѣнія, помѣщенные въ этой книгѣ, извлечены изъ докуменшовъ, хранящихся въ Архивѣ монастыря, и кошорыя я имѣлъ случай тамъ видѣшь. Соч.

ходилъ прежде, въ званіи строителя, въ скитъ Троицкомъ, откуда перешелъ на гору называемую Голгоѳа и на ней соорудилъ деревянную церковь во имя Распятія Господня (около 1714 года.)

На горѣ Голгоѳѣ нашелъ я новый, богатый, красивый о пяти главахъ, каменный храмъ. Надобно было употребить неимовѣрные труды для доставленія матеріаловъ на крутую гору, которой высоту опредѣляютъ въ перпендикулярѣ 87 саженьми. Но теперь труды увѣнчаны самымъ блистательнымъ успѣхомъ: церковь вышиною въ 17 сажень, поставлена на вершинѣ конической горы, куда проведена дорога отъ подошвы винтообразно. Храмъ далеко видѣнъ съ моря, а изъ каменныхъ келій, построенныхъ близъ него по скату горы, покрытой сосновымъ лѣсомъ, — видъ моря и острова чрезвычайно хорошъ. Прекраснымъ и можно сказать великолѣпнымъ возобнове-

ніемъ Распятскаго скита обязанъ Анзерскій островъ нынѣшнему Архимандриту Досиѣю, который, сдѣлавъ необходимыя приготовленія, въ 1828 году испросилъ на это дозволеніе Святѣйшаго Синода, а въ 1850 храмъ былъ уже освященъ. —

Что я сказалъ здѣсь о двухъ скитахъ, по несчастію, во всемъ противурѣчить статьѣ, помѣщенной во 2 томѣ Энциклопедическаго Лексикона: «Анзерскій Троицкій скитъ.» Авторъ этой статьи говоритъ: «тамъ (на горѣ Голгоѣ) устроился было другой скитъ «подъ именемъ Распятскаго; но кельи «этого скита давно исчезли: осталась «одна церковь (деревянная небольшая), «въ которую по временамъ пріѣзжаютъ «монахи Соловецкаго монастыря слу- «жить литургію.»

Какъ Анзерская гора Голгоѣа далеко отъ Арарата, такъ далеко я отъ намѣренія судить о знаменитомъ трудѣ людей ученыхъ и умныхъ; однако

право жаль видѣть въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ не то, что существуетъ на дѣлѣ. И притомъ (оставляя все въ сторонѣ), какъ не пожалѣть тѣхъ людей, которые строили въ надеждѣ славы и похвалъ, трудились въ потъ лица нѣсколько лѣтъ, — и что же? на ихъ подвигъ не только не обратили вниманія, но даже столкнули съ горы всѣ зданія однимъ почеркомъ пера!

Я заговорилъ объ Энциклопедіи, сказалъ нечаянно «Араратъ,» и, — власть ваша, не могу удержаться, чтобы не вздохнуть объ Алла-гезѣ! — Это уже явное отступленіе отъ предмета, но все равно: семь бѣдъ одинъ отвѣтъ! Я говорю здѣсь, хотя бы это и не было для васъ интересно, что Алла-геза нѣтъ въ Энциклопедіи, — и съ меня какъ гора съ плечъ свалилась! — На это имѣю я свои причины: во первыхъ я видѣлъ Алла-гезѣ своими глазами; во вторыхъ онъ безподобенъ, живони-

сень и напоминает мнѣ походы Русскихъ къ Арарату въ 1827 году.

Какъ теперь помню я минуту, когда спускаясь съ хребта Бомбакскихъ горъ, мы увидѣли передъ собою величественный Алла-гезъ, съ вершиною убыленною снѣгомъ среди жаровъ Іюня. Эти мѣста дышатъ поэзіею, и не мудрено что тамъ нашъ знаменитый воинъ-поэтъ, Д. В. Давыдовъ, лежа на буркѣ, въ дыму бивачныхъ костровъ, посвящалъ вдохновенію минуты между отбоемъ и подъемомъ. Вздыхая по своей молодости, исполненной веселья и дѣятельности и называя полу-солдатомъ того

У кого ешь печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребягъ,
Да ши, да чарка съ запеканкой.. .

Поэтъ обращается къ великолѣпнымъ картинамъ окрестныхъ горъ:

Араксъ шумишь, Араксъ кипишь,
Араксу вшоришь ключъ нагорный,
И Алла-гезъ, нахмурясь спишь
И понешь въ влагъ доль узорный.
И ввешь съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восполнымъ ароматомъ;
И средь сребристыхъ облаковъ

сосновому и еловому лѣсу. Хлѣбъ не родится, а въ огородъ, за которымъ много хлопотъ, едва созрѣваютъ неприхотливые овощи: рѣдка, рѣпа, картофель и тому подобное. Это заставляетъ братію запасаться почти всѣмъ съестнымъ въ Архангельскѣ. Большихъ морозовъ не бываетъ на Соловецкомъ островѣ; но постоянное дыханіе съвера поддерживаетъ снѣгъ весьма долго, такъ что я видѣлъ, въ концѣ Іюня, коегдѣ на скатахъ холмовъ, обращенныхъ къ съверу, бѣлѣющія глыбы снѣга.

Множество дикихъ утокъ разныхъ породъ, гагарь, чаекъ, журавлей и другихъ морскихъ птицъ, облетаютъ и какъ будто сторожатъ свои островки, которые кажется очень имъ нравятся. Они тамъ гораздо меньше робки, нежели гдѣ нибудь, потому что никто нетолкуетъ имъ о вкусъ жареной дичи.

Бѣдная природа вокругъ Соловецкаго монастыря выражаетъ какую-то болѣзненную грусть среди еамаго лѣта,

и когда Флора прилетаетъ ревизовать владѣнія свои на Бѣломъ морѣ, то скромныя нимфы Соловецкихъ лѣсовъ не знаютъ чѣмъ угостить богиню, избалованную югомъ. Онѣ должны оббегать весь острова, чтобы собрать букетъ мелкихъ голубенькихъ колокольчиковъ; кое-гдѣ отыщутъ пестренькую Иванъ-да-Марью, смѣшаютъ ихъ съ бѣлинькими цвѣточками морошки, не дорожа будущими ея плодами, переплетутъ незабудками, и, недовольныя своими дарами, стыдясь предлагаютъ ихъ своей мимолетной гостьѣ. Онѣ кажется вплели бы въ вѣнокъ желтыхъ и пышныхъ цвѣтковъ ревеня, который растетъ въ монастырскомъ огородѣ, — но не знаютъ хорошо ли будетъ это принято: не разсердилась бы богиня.

И такъ, я исписался. Все что зналъ — высказалъ, и если пропустилъ многое, то можно не взыскать: я пробылъ въ Соловецкомъ монастырѣ пять дней и былъ занятъ дѣломъ.

Оттуда поплыль я обратно въ Архангельскъ на монастырской лодьѣ «Святый Зосима,» и уже плыль не такъ скоро, какъ прежде: вѣтеръ носилъ насъ по морю пять дней.

Въ заключеніе, примите мой совѣтъ, почтенный читатель! Если вы когда нибудь захотите, по обѣщанію, поклониться Соловецкимъ угодникамъ, то поѣзжайте въ Архангельскъ и плывите прямо оттуда на Соловецкій островъ. Поѣдете сухимъ путемъ въ городъ Онегу — васъ замучатъ тысячи переправъ черезъ рѣчки, впадающія въ море на всемъ протяженіи лѣтняго берега; отправитесь въ городъ Кемь, — тоже самое, и въ обоихъ случаяхъ вамъ придется ѣхать на небольшихъ лодкахъ, что гораздо опаснѣе, не смотря на меньшее растояніе до острова отъ этихъ обоихъ городовъ. — Напротивъ того, отплывъ изъ Архангельска на лодьѣ, вы вполне насладитесь прекраснымъ, небольшимъ вояжемъ по морю, и сверхъ того уже

самое путешествіе сухимъ путемъ въ Архангельскъ доставить вамъ случай видѣть красивую Сѣверную Двину и восхититься живописной и могучей природой Гиперборейскаго края.

Во всякомъ случаѣ, Соловецкій островъ доступенъ только съ половины мая до половины сентября: въ остальные мѣсяцы года Бѣлое море бушуетъ безъ милосердія, бѣдой грозитъ запоздалому плователю и разбиваетъ ревучіе валы объ огромныя глыбы льдовъ, гуляющихъ во мракѣ сѣверной зимы по разъяренной стихіи.

